

## Актер Дмитрий НАЗАРОВ:



АНАТОЛИЙ МОРОЗОВИЧ

# «Нельзя всегда работать на выдохе, надо и вдохнуть»

**МАРИНА ЗЕЛЬЦЕР**

В Москве и Санкт-Петербурге начались «обменные» гастроли двух главных российских театров – питерского БДТ и московского МХТ (подробности на стр. 5). Одной из звезд гастролей МХТ стал актер Дмитрий Назаров. Любимец столицы, питерцам он до сих пор был знаком по ролям в телесериалах и по программе «Кулинарный поединок», который актер ведет на канале НТВ. Накануне отъезда в Санкт-Петербург с Дмитрием НАЗАРОВЫМ встретилась корреспондент «НИ».

– Дмитрий Юрьевич, в МХТ вы человек относительно новый. Насколько комфортно вы себя чувствуете в театре?

– Комфортно. После спектакля ко мне подходят люди, с которыми незнаком или почти не-

знаком, и говорят добрые слова, по-домашнему, по-семейному. Но все равно срок еще маленький, всего третий сезон. На днях один маститый актер сказал мне: «Ну, вы же новое поколение МХТ». И мне это было слышать и тревожно, и радостно, и странно. Я ведь ученик школы Малого театра, где есть свои династии и поколения. Понятие варяга всегда существовало и для Малого театра, и для Художественного.

– Театральные герои для многих – герои и в жизни. На ваш взгляд, сегодня можно встретить таких людей, как Несчастливцев, сыгранный вами в недавней премьере «Леса» Островского? То есть людей благородных, с широкой натурой, или это редкая порода?

– Такие люди всегда были в дефиците. Был, есть и будет. Это абсолютно не зависит от времени. Ведь всегда были подлецы и благородные души. Были равнодушные, и были люди без кожи. И всегда в равном процентном соотношении.

Окончание на стр. 5

*Новые известия - 2005 - 2 марта - с. 1, 5*

# «Нельзя всегда работать на выдохе...»

Окончание. Начало на стр. 1

– **А вам в жизни везло на встречи с благодарными людьми?**

– Думаю, что везло. Я встречал много бескорыстия и поддержки, помощи, необязательно в театре, но и от друзей из другой сферы. Правда, хорошего всегда кажется мало. Хочется еще и еще. И конечно, хочется всегда соответствовать отношению к тебе.

– **Несчастливцев, человек щедрой души, который отдает все, оставшись без гроша. А рядом с ним существует просто патологическая жадность. В жизни ведь также много скупцов. Как вы к ним относитесь?**

– Плохо отношусь. Хотя есть очень обаятельная скупость, а есть отталкивающая, болезненная. Например, Роман Филиппов, который блистательно играл Несчастливцева в Малом театре, был обаятельно жаден. Ему все это прощалось, потому что он действительно от души говорил: «Я так люблю пить не на свои». И, знаете, как ни странно, ему всегда хотелось помочь. А есть люди, которые каждый день, из года в год стреляют у тебя сигареты, оправдывая это каждый раз тем, что пачка осталась в гримерке. Это мерзопакость, потому как эти люди такие и в большом, и в малом. С ними общаться тоскливо.

– **Сегодня понятие порядочности сильно размыто. Многие сомнительные вещи считаются нормой, оправдываются деловыми отношениями...**

– Да, говорят: это бизнес. Я этого не понимаю. У меня это сразу вызывает смех. Хотя на самом деле это не смешно. Подлость есть подлость. Она ничем не оправдывается. Ложь во спасение все равно ложь. Причина ее ничего не меняет.

– **Но в каких-то случаях вы, наверное, тоже не говорите правду. Вы же не воинствующий правдолюб?**

– Нет. Я уже перешел границу юношеского максимализма. И тем не менее иногда хочется поднять забрало и с шашкой наголо...

– **А когда такое случилось последний раз?**

– Да бог с ним, не будем вспоминать. Единственное, могу сказать, что от таких поступков теряешь очень многое в карьере и в так называемом бизнесе. Но, правда, обретаешь спокойный сон. И наоборот: смолчал – майчайся. Твой выбор.

– **Часто в жизни к актерам относятся настороженно, думают, что и в жизни они – актеры. Вас это тревожит?**

– Отношение к актерам часто построено на недоразумениях, на недооценке человеческих качеств. А я знаю очень многих актеров, и мужчин, и женщин, которые в первую очередь – прекрасные люди. Без человеческого, гражданского стержня в этой про-

фессии вообще очень трудно существовать. Кого бы актер ни играл, в его глазах и в поведении читается его личность. И это то, что притягивает зрителя. А отсутствие личности – отталкивает. Много путаницы существует и в разговорах об отношении Церкви к актерам. Считается, что Церковь актеров осуждает. Это большое заблуждение. Театр вообще вышел из Церкви. Почему же Церковь должна ненавидеть свое отражение? Правда, важно понять, что театр проповедует. Идет ли он вразрез с моралью, с церковными заповедями или в унисон? Куда он зовет? К сожалению, слово «артист» действительно часто звучит как ругательное: «Ну ты, артист...» Имеют в виду – ты нехороший, ты кривляешься... Но большие актеры никогда не играют в жизни.

– **Актеры живут эмоциями. Вы можете назвать себя человеком эмоциональным, доверчивым?**

– Актеров очень трудно обмануть. Мы почти всегда видим, кто тобой пользуется, а кто действительно нуждается в твоей помощи и поддержке. Наша профессия – читать второй план. Иногда просто неловко человеку сказать, что я все про него знаю. Ждешь и надеешься, что он сам догадается. Посылаешь сигналы. Иногда постепенно доходит.

– **Случалось, что вас серьезно подводили друзья?**

– Подводили. Бывало и наоборот. Но и в том и в другом случае я всегда себе приговаривал: «Какие разные люди. Как интересно жить».

– **Но вы простили или расставались с ними?**

– В зависимости от степени. Есть вещи, которые простить очень трудно. И даже если ты сделаешь вид, что прощаешь, себя-то ты никак не переломишь – ну не могу я с этим жить... Но время лечит. Христианство нам велит прощать. Но мало сказать: «Я прощаю». Надо по-настоящему простить. А это очень сложно.

– **А что для вас означает «друг»?**

– Что такое друг? Это абсолютное понимание друг друга от трагедии до комедии, от неприятных жизненных ситуаций до радостных, веселых. Это схожее чувство юмора, что абсолютно необходимо. Это возможность отдать и пожертвовать и испытать

удовольствие не от получения подарка, а от его вручения. Естественно, это откровенность, искренность и не боязнь быть дурашливым, глупым, несчастным, возможность оставаться самим собой, то есть когда тебе не нужно ничего придумывать.

– **Вы за годы жизни уже сумели обрести кожей?**

– Это необходимо. Надо уметь держать удар.

– **Вы научились?**

– Не уверен. Иногда – да. Иногда – нет. Если ты сердился или нервничал, плачешь – это именно то, чего от тебя ждут твои завистники, недруги. Со стороны я это всегда точно знаю. Уверен ли я, что выдержу любой удар, – нет. Но то, что я их стал держать гораздо лучше, чем раньше, – безусловно. Я не стал к ним равнодушнее, но я стал понимать и их природу, и то, чего от меня хотят. Так зачем же помогать в этом? Хотя я могу сорваться. И это многие знают и этим пользовались, в том же Малом театре.

– **Вы покинули Театр Армии, но в труппе осталась работать ваша жена Ольга. А ведь после вашего ухода ей там непросто...**

– Я года полтора, несмотря на все интервью о себе, сохранял нейтралитет. Но до той поры, пока в отношении Ольги не совершили некоторых поступков. Однако этого в театре никто не понял. Они считают, что Назаров злопыхательствует, совсем забывая о том, что я полтора года молчал. Я терпел. А сейчас опять стали происходить какие-то вещи, от которых просто хочется набрать телефон главного режиссера и сказать впервые на «ты» что-то очень резкое. Но сдерживаешься. Но почему я должен молчать, если в театре действительно творится боги весть что.

– **Легко ли вам с Ольгой играть спектакль, тем более про любовь? Некоторые говорят, что сложно работать на сцене с близким человеком...**

– У меня все наоборот. Что же в этом сложного-то?

– **Но ведь наверняка вы, следуя Станиславскому, разыгрываете свои отношения, основываясь на личном опыте?**

– Да никто никогда не узнает, где мы вынесли, а где мы просто сыграли. С родным человеком проще и договориться. Достаточно

но сказать: «Помнишь, как тогда?» Потом есть много всяких аллюзий, когда в течение спектакля мы разговариваем вторым, третьим планом. И только мы вдвоем понимаем, что происходит. А для зрителя появляется какой-то объем. Они смотрят: «Что случилось? У актеров глаза заблестели – интересно...»

– **А что вы чувствуете после премьеры, только ли радость или некоторую опустошенность, которая обычно появляется после окончания серьезной работы?**

– Нет, глобального опустошения не происходит. Наоборот, чувствуешь подъем. Но у меня сейчас есть и вполне естественное желание сделать паузу, потому что прошлый и начало нынешнего сезона выдались уж очень тяжелыми. Я говорю с читателем, а сам веду заочный разговор с Олегом Пальчем Табаковым, который уже предлагает после «Леса» Островского следующие интересные работы. Но я отвечаю ему, что нельзя все время работать на выдохе, когда-то надо и вдыхать. Любой автомобилист знает, что аккумулятору надо давать время зарядиться, иначе сядет безвозвратно.